

«ЗАПАДНЫЙ
ЗНОЙ»
НОВЫЙ
РОМАН

Чингиз Абдуллаев

Убийца достал пистолет с глушителем. И в этот момент Ползунов, словно очнувшись, бросился на «ликвидатора». Комната была небольшой, здесь невозможно было развернуться, и это обстоятельство роковым образом сказалось на действиях убийцы. Он оказался достаточно близко к своей жертве. Ползунов был не просто бывшим штабным офицером, он прошел Афганистан, где от мгновенно принятого решения часто зависела его жизнь. Именно поэтому он сразу обернулся и, заметив направленное на него оружие, прыгнул на убийцу.

Западный Зной

Тимур Караев

Чингиз Абдуллаев

Западный зной

«PEN-клуб»

2006

Абдуллаев Ч. А.

Западный зной / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2006 — (Тимур Караев)

Бывших разведчиков не бывает. Полковник КГБ в отставке Тимур Караев убедился в этом, когда его пригласили в тайную организацию «Щит и меч». Цель организации – розыск и ликвидация перебежчиков-предателей, выдававших иностранным разведкам государственные тайны России. Задание, которое поручили Караеву, стало настоящим ударом. Оказалось, что его недавно умерший друг и коллега по работе в органах Павел Слепцов был предателем. Это неопровержимый факт. Теперь Тимуру предстоит отыскать глубоко законспирированного связного Слепцова. Об этом человеке ничего не известно, кроме его оперативного псевдонима – Дровосек...

Содержание

Лас-Вегас. Штат Невада. США. 18 мая 2006 года	5
Москва. Россия. 17 мая 2006 года	9
Амстердам. Голландия. 18 мая 2006 года	10
Москва. Россия. 18 мая 2006 года	12
Лас-Вегас. Штат Невада. США. 18 мая 2006 года	17
Москва. Россия. 19 мая 2006 года	21
Лэнгли. Вашингтон. Округ Колумбия. США. 19 мая 2006 года	27
Москва. Россия. 19 мая 2006 года	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Чингиз Абдуллаев Западный зной

Я не только поэт доброты, я не прочь быть поэтом злобы. Что там болтают о распутной и о праведной жизни? Зло толкает меня вперед, и добро меня толкает вперед, между ними я стою равнодушный.
Уолт Уитмен. «Песня о себе»

Мы же подзуживали, возбуждали их похоть, предлагали им секрет, пустее которого не бывает, потому что не только не знали секрета и мы тоже, но мы еще вдобавок и знали, что наш секрет совершенно пуст.
Умберто Эко. «Маятник Фуко»

Кто проявляет жалость по отношению к врагу, тот безжалостен по отношению к самому себе.
Фрэнсис Бэкон

Лас-Вегас. Штат Невада. США. 18 мая 2006 года

Когда у человека много денег, все его проблемы кажутся надуманными и несерьезными. Когда денег очень много, проблем не бывает вообще. Когда их столько, сколько невозможно потратить, они иногда превращаются в проблему, куда их вложить и как с умом потратить. Когда денег нет совсем, появляются другие проблемы. Но это уже проблемы иного характера. У каждого они свои. Перефразируя классика, можно сказать, что все богатые люди могут иметь проблемы, но все небогатые люди гарантированно имеют свои проблемы. У Таира Хамидулина были проблемы иного рода. Он был относительно богатым человеком. А по меркам обычного обывателя – очень богатым. На его счетах было около миллиона долларов, и он с удовольствием приезжал в столицу игорного бизнеса – Лас-Вегас, чтобы в очередной раз попытаться ухватить свою птицу счастья.

Однажды ему уже удалось сделать почти невозможное. Это было в далеком девяносто втором году, когда он работал представителем российской внешнеторговой фирмы в Стамбуле. Прекрасно владевший английским и турецким языком, он получил туда назначение еще в начале девяностого. До этого у него были лишь служебные командировки в страны Европы. Стамбул поразил своими необъятными размерами и ночными клубами, своей энергетикой и казино, которые были открыты почти в каждом крупном отеле. Никогда не игравший в азартные игры в Советском Союзе, молодой человек пристрастился к походам в казино в Турции.

Это не могло не сказаться на его работе и на его зарплате. Отныне он проигрывал почти все свои деньги в казино, вырабатывая свою собственную систему. Как и большинство людей, посещающих игорные заведения, он был убежден, что, выработав свою собственную систему, сможет победить. Никакие математические законы, положенные в основу игры в казино, его не убеждали. Ведь трудно объяснить любому непосвященному, что вся система игры в казино построена именно на этих математических законах, при которых гость гарантированно будет в проигрыше.

Хамидуллин начал проигрывать крупные суммы. Чтобы отыграться, он начал занимать деньги у друзей и знакомых. Постепенно сумма долга достигла астрономической цифры в восемьдесят тысяч долларов. Это было почти катастрофой, учитывая специфику работы молодого человека. Только недавно получивший звание майора, он работал в Турции под при-

крытием внешнеторговой фирмы, осуществляя координацию действий агентуры на западном побережье страны.

Когда долги перевалили за восемьдесят тысяч долларов и их нужно было срочно выплачивать, оставалось два выхода. Либо пустить себе пулю в лоб, либо найти возможный источник финансирования своих прихотей. Был и третий вариант, достаточно экзотический, – попытаться выиграть в казино. Но он слишком часто проигрывал последние деньги, чтобы пытаться еще раз. Денег просто не было. Его молодая супруга не смогла даже вылететь к родителям в Казань, так как он вернул билеты и сыграл на них в казино. Игра стала его страстью. Резидент советской разведки в Стамбуле уже дважды делал ему серьезные внушения.

К этому времени уже наметился очевидный распад некогда великой державы. В августе признали независимость прибалтийских республик. В декабре девяносто первого года Горбачев объявил о сложении своих полномочий и распаде Советского Союза. За несколько месяцев до этого разведку отделили от контрразведки, создав другое ведомство. Рушился привычный мир. В августе девяносто первого года была запрещена Коммунистическая партия, и секретарь партийного комитета генерального консульства, так строго и часто распекавший Хамидуллина, вдруг оказался не у дел. Более того, прекратила свое существование сама партийная организация, и теперь можно было посещать казино, уже не думая о моральном облике советского человека. Работавшие за рубежом тысячи специалистов, дипломатов, разведчиков не совсем понимали, что происходит в их бывшей стране. Каждый сам выбирал, как ему поступать. Таиру было легче. У них с женой не было детей, и они были более мобильной парой, чем все остальные.

Если бы не общая неразбериха, царившая в Москве, если бы не все эти потрясения и не пагубная страсть к игре в казино, возможно, Таир Хамидуллин и остался бы относительно честным человеком. Но испытание оказалось слишком сильным. И еще на нем висел долг в восемьдесят тысяч долларов.

Именно тогда он предложил свои услуги американцам. В октябре девяносто первого. Они с удовольствием пошли ему навстречу, выплатили все его долги и даже начали финансировать некоторые его мелкие расходы. Ему казалось, что он в любой момент сможет прервать эту связь, но выплаты американцев были подобны наркотику, от которого он уже не мог отказаться. И именно в этот момент в Стамбуле появились таджики.

В их независимой республике уже шла ожесточенная гражданская война. В начале девяносто второго в Стамбуле появились двое покупателей из Душанбе, чтобы приобрести необходимое им оружие. У покупателей были деньги, у Хамидуллина были нужные связи и продавцы. Переговоры прошли довольно быстро. Но приехавшие таджики даже не подозревали, что работавший под прикрытием внешнеторговой российской компании Хамидуллин был сотрудником внешней разведки. Разумеется, он исправно докладывал о ходе переговоров своему резиденту в Стамбуле, который передавал сообщение в Анкару и далее в Москву.

У таджиков на счетах было десять миллионов долларов, на которые они должны были купить оружие, чтобы решить исход войны в свою пользу. К этому времени в Восточной Европе скопилась масса бывшего советского оружия. Еще больше было в республиках бывшего Советского Союза. С одной стороны, все новые страны нуждались в качественном оружии, а с другой – продавали все, что можно было продать. А некоторые министры обороны даже содержали свои доморощенные армии на подобные деньги.

Хамидуллин тогда принял решение. Он был еще относительно молодым человеком, ему было только тридцать три года. Альянс с американцами не мог долго продолжаться, рано или поздно его бы все равно вычислили в Москве. Реакция на предательство была предсказуемой. Его бы отозвали в Москву, предали суду и расстреляли, как это было с десятком других разведчиков. Возможно, в новой демократической стране его бы не стали приговаривать к смертной казни, а тихо удавили бы в тюрьме. Но в любом случае исход был ясен. Он уже тогда решил для

себя остаться на Западе при первой возможности. Не в Турции, а именно на Западе, в США или в странах Западной Европы, где можно было остаться на жительство. Он всегда мечтал о такой жизни, еще когда впервые в восемьдесят третьем попал в Западную Европу. Когда впервые увидел этот западный рай, западный зной.

Оставалось убедить таджиков, что деньги можно и нужно потратить с пользой для себя, а не для истребляющих друг друга «юрчиков» и «вовчиков», как тогда называли себя обе стороны. Таиру пришлось несколько дней обрабатывать упрямых гостей. Один, молодой человек лет тридцати, сразу все понял. Другой, мужчина лет пятидесяти, упрямо сопротивлялся. Он искренне считал, что народные деньги нужно тратить на нужды народа. Советская идеология «испортила» его так сильно, что переубедить этого упряма не было никакой возможности. Таир предлагал помочь им перевести деньги в другие банки и получить убежище где-нибудь в Европе, чтобы не возвращаться в охваченный пламенем гражданской войны Таджикистан.

При этом он получал «скромные» сорок процентов, а остальные шестьдесят оставлял своим партнерам. Но уговорить руководителя делегации ему не удалось. Тогда он встретился с его молодым коллегой без свидетелей. Два раза. И обо всем договорился. В конце концов, если есть проблема, ее можно устранить. И получить нужный результат с гораздо меньшими затратами. Во время очередного ужина руководителю делегации стало плохо. И пока вызвали врачей, пока они приехали, пока разбирались, несчастный умер у себя в номере.

Турки долго не отдавали тело погибшего, уверяя, что он был отравлен. Но второй член делегации, возмущаясь, доказывал, что отравиться их руководитель мог только в местном ресторане. Через два месяца тело несчастного отправили на родину. Никто так и не узнал, что Таир сумел достать сильнодействующий яд, который и решил все проблемы. Деньги он перевел в голландский банк, откуда разбросал их по разным счетам. У него, правда, возникла мысль решить таким образом проблему и с молодым членом делегации. Но тот был очень осторожен и даже не пил воды в присутствии Хамидуллина. Пришлось оставить ему четыре миллиона долларов. Впоследствии выяснилось, что Таир все сделал правильно. Этот молодой повеса, получивший деньги, даже не уехал из Турции. Он купил себе роскошный дом, устраивал загулы, проигрывал огромные суммы в казино. В конце концов, из Душанбе прилетели еще двое суровых мужчин, которые решили все проблемы нового миллионера. Его нашли в собственном доме с простреленной головой. Дело можно было считать закрытым.

Таир Хамидуллин честно отработал на американцев. Он сдал им всю агентурную сеть бывшей советской разведки на западном побережье Турции. А заодно в Болгарии и в Греции, с которыми он также работал. Получив приказ вернуться домой, он забрал свою жену, сел в машину и просто приехал к своему связному. В тот же день его отправили в Америку. Два года он терпеливо ждал, пока сумеет воспользоваться своими деньгами. Его жена, с которой он переехал в США, довольно быстро его бросила и уехала обратно в Москву. Он ее не задерживал. В конце концов, если ей нравится быть нищей у себя на родине, то она может вернуться к своим родителям в Казань.

Через два года ему назначили небольшую пенсию и предложили выбрать место жительства. Когда ему объявили о сумме, полученной за предательство, он внутренне усмехнулся. На эти деньги можно было выжить, но нельзя было жить. Он переехал в Сиэтл, где купил небольшой домик. В конце девяносто четвертого Таир Хамидуллин наконец стал свободным человеком, имеющим на счетах более пяти с половиной миллионов долларов. Это было время взлета американской экономики. При Клинтоне она росла как на дрожжах, особенно акции технологических компаний. Основной враг в лице Советского Союза был повержен, стоимость нефти упала до восьми-девяти долларов за баррель, в государственном бюджете ежегодно рос огромный профицит, доллар укреплялся по отношению ко всем европейским валютам.

Хамидуллин вспомнил все, чему его учили сначала в МГИМО, а затем в разведшколе. Он рискованно играл на бирже, покупал акции ведущих компаний, вкладывая деньги в новые

технологии. Уже к девяносто шестому он имел более двадцати миллионов долларов. Он даже послал своей бывшей жене десять тысяч долларов, когда она позвонила ему, объявив о смерти своего отца. Таир женился, его супругой была американская гражданка и гречанка по происхождению, племянница одного из самых известных греческих меценатов в Америке. В девяносто восьмом Таир даже хотел приехать в Москву, но помешал дефолт. Казалось, все идет прекрасно. Но пагубная страсть к игре не оставила его в покое. Первый раз он сорвался в Атлантик-Сити, проиграв более миллиона долларов.

И с тех пор уже не мог остановиться. Он забросил свой бизнес, развелся со второй женой. Игра стала его всепоглощающей страстью, благо денег у него было достаточно. Он не всегда проигрывал, иногда даже выигрывал. В две тысячи третьем он выиграл в Лас-Вегасе более трехсот тысяч долларов. И это только утвердило его во мнении, что в казино можно выигрывать. Через месяц он проиграл всю эту сумму плюс еще сто пятьдесят тысяч своих денег, но воспоминание о выигрыше было подтверждением его теории возможной победы в этой игре.

Теперь он часами просиживал за рулеткой или играл в покер, сидел у игровых автоматов, делал ставки на скачках. Постепенно деньги заканчивались. К началу шестого года на его счетах уже было чуть меньше двух миллионов долларов, лишь одна десятая того богатства, которым он владел еще шесть-семь лет назад. В этот день он отправился в свое любимое казино «Мираж», чтобы снова попытать счастья. Ему казалось, что сегодня он сможет выиграть. Некое предчувствие чего-то необычного волновало Таира с самого утра. Он верил в свою интуицию, даже не подозревая, что этот день окажется последним днем его пустой жизни.

Москва. Россия. 17 мая 2006 года

Генерал Большаков сидел в своем кабинете, когда раздался звонок мобильного телефона. Иван Сергеевич несколько озабоченно посмотрел на аппарат. Номер его телефона знали только несколько человек. Подумав немного, он взглянул на телефон и только после пятого звонка взял наконец аппарат.

– Слушаю вас, – сдержанно сказал Большаков.

– Извините, что вас беспокою. – Он узнал знакомый голос Давида Александровича. – Я хотел у вас узнать: как нам быть с этим полковником?

– Вы говорите о нашем знакомом, с которым я встречался? – уточнил Большаков. – Нужно немного подождать. Я внимательно прочел его досье. Он очень опытный аналитик. Но временами бывает не совсем управляемым. Нужно его немного направлять.

– Вы советуете нам подождать?

– Он пока размышляет, – напомнил Большаков, – и не будем его торопить.

– Мы еще не закончили проверку. – Все-таки Давид Александрович недолюбливал этого человека. – Вполне вероятно, что он мог быть тем самым связным...

– Не нужно по телефону, – перебил его Большаков, – я думаю, что он нам как раз подойдет.

– Вы же знаете, что все материалы по Скандинавии мы проверяем особенно тщательно.

– Правильно делаете. Но у нас пока нет никаких фактов против нашего нового знакомого.

Если не вспоминать его связи с исчезнувшим другом.

– У них была не связь, а дружба.

– Тем более. Мы можем все проверить еще раз.

– Вы сами сказали, что он неуправляемый. Зачем нам такой?

– Именно поэтому, – сказал генерал. – Мы устали от управляемых подонков, готовых на все ради денег или карьеры. Пусть будут неуправляемые. Они хотя бы честные и порядочные люди, которые еще не успели забыть такие слова, как честь или родина. У таких людей, как он, есть некие идеалы: если хотите, свой стержень. В наше циничное время это дорогого стоит. Я думаю, что все будет в порядке. Не беспокойтесь.

Он положил трубку. Потом, немного подумав, поднял трубку внутреннего аппарата, набирая нужный ему номер.

– Как у вас с Караевым? – спросил он.

– Все в порядке. Он вернулся домой, звонил два раза. Своему сыну и другу. Подполковнику Малярову. Тот приехал к нему, и они долго разговаривали. Запись беседы у нас есть.

– Общий тон?

– Подавленный. Он явно размышляет. Советовался с Маляровым. Но пока не принял решение.

– Держите его под контролем. Чтобы не было никаких сбоев.

– Мы понимаем.

– Пришлите мне пленку, я хочу ее прослушать.

Большаков положил трубку. Если Караев примет верное решение, то они возьмут его в свою организацию. Полковник должен понимать, что отставных чекистов не бывает. Бывший полковник КГБ и ФСБ должен выбрать, на чьей стороне он хочет сражаться. Сражаться во имя тех идеалов, в которые они обязаны верить.

Амстердам. Голландия. 18 мая 2006 года

Он вошел в зал и огляделся. В глубине зала за столиком сидел высокий мужчина, заказавший себе стакан апельсинового сока. Вошедший подошел к нему и сел напротив. Почти тут же появился официант. В этом аргентинском ресторане самыми популярными блюдами были мясные блюда гриль, приготовленные на углях. Но второй вошедший попросил кружку пива. Официант разочарованно отошел, чтобы сразу исполнить заказ.

– Здравствуй, – сказал пришедший сюда первым мужчина, – как добрался?

– Плохо. С двумя пересадками. Как будто нельзя взять обычный билет из Москвы до Амстердама, – пожаловался связной. Это был мужчина среднего роста со стертым лицом и незапоминающейся внешностью. Его собеседник был высокого роста, в очках, с тонкими, крикливо изогнутыми в иронической улыбке губами, с высоким лбом, ровным носом. Его можно было принять за немца или англичанина.

– Обычный билет взять нельзя, – добродушно сказал он, – ведь тогда легко вычислить, куда ты едешь и с кем встречаешься. И мне нельзя просто так ездить туда и обратно. Очень легко проверить, когда проходишь государственную границу. Гораздо легче работать в Шенгенской зоне.

– Я знаю, знаю. – Он замолчал. Официант принес кружку пива и подставку под кружку. А также тарелку соленых сухариков. Положив все на столик, он ждал, когда новый гость сделает основной заказ. Но тот кивнул ему, разрешая отойти. Официант вздохнул и отошел. Во всем мире официанты одинаково любят, когда клиенты делают крупные заказы.

– Ты привез данные? – уточнил первый незнакомец.

– Конечно, привез, Фармацевт, я все вам привез. Первый – Ашот Нерсисян, живет в Малаге. Второй – Анри Борнар, живет в Лионе. Все данные здесь записаны. – Он положил на стол маленький конверт.

– Что это такое? – не понял Фармацевт.

– Флэш, – пояснил связной, – можно использовать в любом компьютере, в любом ноутбуке.

– Я знаю, как их использовать, – недовольно сказал Фармацевт, – но раньше вы присылали сообщения на дискетках.

– Техника уже другая, – улыбнулся связной, – все меняется.

– Все, кроме нашей работы. – Фармацевт взял конверт и положил его во внутренний карман. – А почему Борнар? Мы разве уже перешли на иностранцев? Решили поменять правила игры?

– Он работал на нас. Потом сдал, – пояснил связной, понизив голос.

– Ясно. Я все понял. Срок обычный?

– На ваше усмотрение. Но желательный срок – не больше месяца. Там указаны и счета. Меня просили узнать, что вам нужно.

– Ничего не нужно. Следующую встречу назначим после выполнения этих поручений. Между прочим, в Дудерштаде вы меня серьезно подвели. Она была не одна.

– Каким образом? – встрепетнулся связной. – Мы все проверили. Она жила одна в своем доме.

– Нет, не одна. На воскресенье к ней приехала семья дочери, которая жила рядом. И оставили у нее внучку. Когда я вошел в дом, там была кроме хозяйки квартиры и ее внучка. Почти грудной ребенок.

– Господи, – ахнул связной, – вы убили обеих?

– Тебе нельзя работать связным, – сказал Фармацевт, – у тебя плохие нервы, не умеешь нормально анализировать и делаешь поспешные выводы. Конечно нет. Я не убиваю детей. И я

не убийца. Профессионалов моего уровня уже почти не осталось. Ребенка я перенес в манеж, и она там заснула. А с бабушкой быстро разобрался, чтобы ребенок ничего не видел. Еще вопросы есть?

– Я все понял, – дрожащим голосом сказал связной, – я все передам.

– И закажи себе мясо, – посоветовал ему Фармацевт, вставая из-за стола, – здесь великолепно готовят мясо. Лучше возьми микст, там будет всего понемногу. Нельзя назначать встречу в аргентинском ресторане и не есть мяса. Это сразу вызывает подозрение. До свидания.

Он сделал несколько шагов за спину связному. Тот почти сразу обернулся. Но его собеседник словно растаял в воздухе. Когда к связному снова подошел официант, он заказал ему мясо. Официант уточнил, любит ли гость мясо с кровью. Нет, сразу получил он ответ. Не нужно с кровью. Когда официант отошел, связной еще раз оглянулся. И на всякий случай пересел на другое место, чтобы видеть входивших и выходивших людей. На то самое место, где сидел Фармацевт. Лицом к дверям.

Москва. Россия. 18 мая 2006 года

Тимур Караев сидел на кухне. Он не знал, как ему поступить после разговора с генералом Большаковым, который предложил ему работать в организации, о существовании которой он даже не подозревал. Оказывается, в середине девяностых бывшие сотрудники МВД вместе с немногочисленными профессионалами, оставшимися в органах внутренних дел, решили создать специальный отряд «Радуга», который начал беспощадную борьбу с криминальным миром. Наиболее известные преступные авторитеты были убиты. Остальных подставляли под криминальные разборки соперников. В начавшихся войнах преступных кланов погибло в несколько раз больше бандитов, чем от рук сотрудников правоохранительных органов. Война между бандитами и ворами была настолько беспощадной, что иногда вырезались целые банды, состоящие из нескольких сот человек.

После прихода к власти нового президента было решено создать подобную организацию и на базе сотрудников бывшего КГБ, уже разделенного на несколько организаций. Деньги нашли сразу. В стране было достаточно патриотически настроенных бизнесменов, которые охотно давали деньги. Оставалось выбрать главную цель. Для начала исполнить постановления советских судов, вынесенные в конце восьмидесятых и начале девяностых по офицерам спецслужб, перешедшим на сторону врага и предавшим своих товарищей. В большинстве своем такие поступки карались смертной казнью. Но после общего развала страны и самого Комитета государственной безопасности всем казалось, что о таких предателях просто забыли.

Была создана организация «Щит и меч», которая занялась поисками нужных аналитиков и исполнителей. Чтобы получить доступ к агентурным сведениям в других странах, нужны были деньги. За определенное вознаграждение удалось найти осведомителей и на другой стороне. Собственно, в этом всегда было преимущество советской разведки. Кроме денег были и моральные принципы, которые являлись приоритетными для советских разведчиков.

Организация начала свою деятельность несколько лет назад, и уже в начале шестого года было принято решение о проведении операций по ликвидации агентов, когда-то перебежавших на сторону врага. Были задействованы три группы ликвидаторов. В Западную Европу был послан Фармацевт, опытный профессионал, оставшийся еще с прежних времен. Он всегда работал один, не позволяя никому находиться рядом с ним. В Америку послали двоих ликвидаторов, работавших под видом семейной пары. И, наконец, в южных странах под видом канадского бизнесмена Модлинга и его секретаря работали еще двое ликвидаторов.

Одного предателя вычислили в самой Москве. Им оказался бывший полковник внешней разведки Павел Слепцов, работавший в Швеции и завербованный французской разведкой. Слепцова ликвидировали, посчитав, что его связным был Караев. Однако после тщательной проверки выяснили, что Караев ни при чем. И тогда ему предложили вступить в организацию.

Вернувшись домой, он уже второй день обдумывал предложение Большакова, понимая, что пути назад у него не будет. К тому же ему требовалось съездить к вдове Павла Слепцова и объяснить ей, куда исчез ее муж. Это было труднее всего. У обычных людей есть хотя бы могила, куда можно приходить, а у Павла не осталось даже такой памяти. Они уверяли его, что Павел был предателем, но рассказать об этом Наталье он не мог. Нужно было придумать какую-нибудь историю, но он не знал, что ему говорить. Его мучило сознание собственного бессилия. Караеву шел пятьдесят шестой год, он несколько лет назад закончил службу в ФСБ. Он получал хорошую пенсию, работал в службе безопасности нефтяной компании «ЛУКойл». Но предложение Большакова застало его врасплох.

Он посмотрел в окно. Кажется, начал накрапывать дождик. Он любил дождь. В его родном Баку редко шли дожди. Здесь частыми гостями были штормовые ветры, которые продували город с разных сторон. Он хорошо помнил родной город, в котором прошли его детство и

молодость. Потом он переехал в Москву, учился в минской школе КГБ, работал в центральном аппарате Второго главного управления КГБ СССР, а затем в аппарате Федеральной службы безопасности. Он женился, развелся, у него был уже взрослый сын. Одним словом, в Москве прошли последние тридцать лет его жизни с перерывами на командировки, когда он выезжал за границу.

Тимур надел куртку и вышел на улицу. Огляделся. Его машина «Вольво» была на штрафной, откуда ее нужно было давно забрать. Ее увез эвакуатор за стоянку в неполюженном месте, но Караев не возражал. Более того, он сам был инциатором вызова «эвакуатора», понимая, что в противном случае его машину могут сжечь или взорвать.

Он прошел два квартала, проверяя, нет ли за ним наблюдения. Ничего не обнаружил. Тогда он поднял руку, остановил машину и попросил отвезти его на Сретенку, где была квартира Натальи Слепцовой. Они с мужем жили на Большой Полянке, но это была квартира самого Павла, и Наталья боялась возвращаться туда одна. Ей было слишком тяжело снова оказаться в квартире, где каждая вещь напоминала ей исчезнувшего супруга. Караев подумал, что подобная смерть самая страшная. Когда родственники все время надеются найти своего близкого, гадая в страшных догадках, что именно с ним могло произойти, и оставляя в душе некую надежду на его фантастическое возвращение.

Выйдя из машины, он расплатился. Затем вошел в подъезд дома и поднялся на третий этаж, где раньше жила Наташа. Она была второй супругой Павла, и у обоих были уже взрослые дети. Он позвонил в дверь, ожидая, что ему откроет либо сама Наталья, либо ее дочь. Но дверь открыла незнакомая женщина. У нее были необыкновенные глаза. Красивые, миндалевидные, какие обычно бывают у азиатских красавиц. Высокие скулы, прямой ровный нос, тонкие губы. Женщина была чуть выше среднего роста, подтянутая, стройная. На вид ей было лет сорок. Или чуть меньше. Волосы стянуты в пучок. Абсолютно точно, что он никогда ее не видел. Иначе бы запомнил это необычное лицо.

– Добрый вечер, – поздоровался Тимур.

– Здравствуйте. – Она внимательно осмотрела его и, кажется, осталась довольна увиденным. – Вы к кому?

– Мне нужна Наташа Слепцова, – сказал Караев, – я друг ее мужа.

– Вы, наверно, Тимур, – поняла женщина, – входите. Она мне о вас много рассказывала.

Она посторонилась, пропуская гостя в квартиру. На ней было темное платье, которое выгодно оттеняло ее стройную фигуру. Он подумал, что никогда раньше не видел такой красивой женщины. У нее была длинная шея, какая бывает обычно у балерин, и стройные ноги. Возможно, что она раньше действительно занималась балетом. Но почему он не видел раньше этой женщины в доме Слепцовых?

Он прошел в комнату, где в кресле сидела Наталья. За несколько дней после исчезновения мужа она постарела на несколько лет, превратившись в пожилую женщину с потухшим взглядом. Увидев Караева, она приветливо ему кивнула:

– Здравствуй, Тимур, проходи и садись на диван. Я попрошу Элину приготовить нам кофе.

– Вас зовут Элина? – спросил он, обращаясь к женщине.

– Да, – кивнула она, выходя на кухню.

– Это моя подруга, – пояснила Наталья, – она приехала из Санкт-Петербурга. Вернее, переехала. У нее там остались муж и уже взрослый сын. Ему почти двадцать. Можешь себе представить? А она бросила все и переехала сюда, чтобы заниматься делами своей фирмы. Вот такая безумная женщина. Решила поднимать свой московский филиал, как она говорит.

– Кто она по специальности? – заинтересовался Караев.

– Дизайнер, – пояснила Наталья, – она прекрасно говорит на нескольких языках, большая умница, несколько лет прожила в Италии. Муж у нее специалист по итальянской живописи. Работал во Флоренции, и они там жили.

Элина внесла поднос с тремя чашками кофе. Расставила их на столике. Спросила, обращаясь к гостю:

– Вам с молоком?

– Нет, спасибо. – Он взял чашку кофе.

– У тебя нет никаких известий? – спросила Наташа.

– Н-нет. – Он чуть замешкался с ответом и уловил быстрый и внимательный взгляд Элины.

– Не знаю, что мне делать, – растерянно сказала Наташа, – я уже и в милицию заявление послала, и в прокуратуру. Ничего нет. Никто не знает, куда он мог пропасть.

Он угрюмо молчал. Лгать не хотелось, а сказать правду было невозможно. И вообще, он не представлял, как нужно себя вести. Теперь он знал правду. Но знание правды было слишком тяжким испытанием. Как вообще вести себя в подобных случаях? Видеть, как вдова сходит с ума, и скрывать правду. Или сказать ей правду, чтобы она действительно сошла с ума?

– Я доставляю тебе столько проблем, – вздохнула Наташа, – ты, наверно, уже сам не рад, что с нами связался.

– Не говори глупостей. – Он подумал, что раньше ему было легче. Когда он ничего не знал.

Тягостный разговор продолжался минут двадцать. Потом появилась Маша, дочь Наташи, вместе со своим мужем. Они внесли некоторое оживление в эту тяжелую атмосферу недомолвок и страха. Караев взглянул на часы, решив, что пора прощаться. Следом поднялась и Элина.

– Тимур, ты сможешь отвезти мою подругу? – спросила Наташа.

– Конечно, – кивнул он. Наталье не обязательно знать, что он без машины. Элина пошла к вешалке, надела на себя легкий светлый плащ.

Они попрощались и вышли из дома. Когда они уже спустились, Тимур виновато развел руками:

– У меня автомобиль на штрафной стоянке. Я не хотел огорчать Наташу, его увезли, когда он стоял у их дома на Большой Полянке.

– Я понимаю, – кивнула Элина, – ничего страшного. Если хотите, мы можем пройтись. Здесь недалеко. Я ведь на самом деле москвичка. Родилась и выросла в Москве. И только потом переехала в Санкт-Петербург. Хотя в Северной столице мне нравилось даже больше, чем в родном городе.

– Но вы все-таки вернулись в Москву.

– Вернулась. Но здесь целый клубок причин. И экономических, и личных.

Они вышли на улицу. Дождь прекратился, и воздух стал гораздо чище. Несмотря на десятый час вечера, было довольно светло.

– У вас необычное имя, – сказал Тимур.

– Ничего необычного. У меня мама гречанка, а папа украинец. Она и решили меня так назвать в честь какой-то греческой актрисы, которую оба любили. Я даже не могу точно выговорить ее фамилию.

– Зато имя красивое. И редкое.

– У вас тоже, – улыбнулась она, – я думала, что так уже не называют ребят. Хотя вас называли, наверно, так лет сорок или сорок пять назад.

– Не нужно мне льстить, – усмехнулся Караев, – меня так называли ровно пятьдесят шесть лет назад. Я уже давно на пенсии.

– Вы хорошо выглядите, – возразила она, – но все равно странно. Наташа говорила, что вы из Баку. А почему вас называли Тимуром?

– На Востоке и юге это распространенное имя, – пояснил Караев, – мальчиков обычно называют в честь великих полководцев или великих поэтов. Есть Чингизы и Тимуры в честь двух довольно жестоких завоевателей. Считается, что с их именами мальчикам передается и их жизненная сила.

– Я думала, что вас назвали в честь героя книги «Тимур и его команда», – улыбнулась женщина. – Тогда вышла книга Гайдара, и многие именно так называли своих мальчиков.

– Возможно, – согласился Караев. – У меня бабушка по отцу была еврейкой, и она назвала своего сына Аркадием в честь своего дедушки. Поэтому во мне намешано много разных кровей. Что касается имени... В начале шестидесятых появились десятки тысяч Юриев в честь Юрия Гагарина. Наверно, сейчас в мире есть много мальчиков с именем Гарри, по имени главного героя книг Джоанны Роулинг.

Она взглянула на него:

– У вас есть маленькие дети? Или внуки?

– Нет. У меня взрослый сын. Ему уже двадцать семь.

– Тогда откуда такое знание детской литературы? Насколько я знаю, ваши прежние интересы лежали совсем в другой плоскости. Вы ведь работали в КГБ?

– Последние годы эта организация называлась ФСБ. Но я читал книги про Гарри Поттера на английском. Первые три книги. Мне стало интересно, почему эти книги читает весь мир. И, находясь в Греции, я купил книги на английском языке, чтобы их прочесть.

– Прочли?

– Да. И мне понравилось. Она пишет для детей и с учетом детской психологии. Очень неплохо.

– Вы первый человек, который признается, что читает такого рода литературу. Обычно считается хорошим тоном морщиться при упоминании разной фантастики, детективов, женских романов.

– Морщатся те, кто не может создать ничего подобного. А книги про мальчика-сироту покорили весь мир. И мне, между прочим, нравятся многие современные авторы. И ничего зазорного в этом не вижу. Когда людей спрашивают, что они читают, все сразу вспоминают, что только сейчас отложили Конфуция, не дочитали Пруста и заснули с Джойсом в руках. Ни один не признается, что читал какую-нибудь другую книгу для отдыха. По-моему, это глупая поза.

Она снова взглянула на него:

– Вы всегда так откровенны?

– Во всяком случае, я стараюсь быть искренним. По возможности...

– Можно я задам вам один вопрос? Если вы не обидитесь?

– Давайте, – заинтересовался он, останавливаясь, – какой вопрос?

– Вы ведь сегодня сказали неправду. Не всю правду, – поправила она, – я видела и слышала, как вы говорили, когда Наташа спросила вас про новые подробности о ее муже. Вы замешкались. На одну секунду. Но замешкались. И сказали с некоторым усилием. Я сразу обратила внимание. Вы не умеете лгать, вам об этом никто не говорил?

– Возможно. – Он продолжил движение. – А вы всегда можете определить, кто и когда говорит вам неправду?

– Да, – вдруг печально сказала Элина, – я, как правило, чувствую. Вы спросили меня, почему я вернулась в Москву. Именно поэтому. У моего супруга появилась новая пассия, и я решила, что нам некоторое время нужно пожить отдельно. Вместе с двумя подругами мы открыли небольшую фирму, занимающуюся дизайном помещений. Сейчас решили перенести свою фирму в Москву. Все-таки здесь строят в сотни раз больше. И возможности у людей здесь другие. Не такие, как в Санкт-Петербурге.

Он кивнул, соглашаясь. Ему было интересно с этой женщиной, которая могла так открыто спрашивать и говорить без всякого кокетства.

– У вас тоже сын? – спросил он.

– И уже взрослый, – кивнула Элина, – ему будет двадцать. Учится в институте. Иногда я себя ругаю. Нужно было рожать в молодости. Все так глупо получилось. У нас были вечные переезды с мужем, вечные командировки. Тогда казалось, что успеем. Сейчас понимаю, что нужно было родить хотя бы еще одну девочку. Но не получилось.

– У меня тоже один сын, – напомнил Караев. – Вы знаете, психологи считают, что один ребенок в семье – это показатель самой семьи. Если у женщины нет медицинских противопоказаний, а супруги ограничиваются только одним ребенком, значит, у них в семье не все ладно и они психологически готовы расстаться друг с другом в любой момент.

– Ваши психологи правы, – согласилась Элина, – хотя каждый случай нужно рассматривать индивидуально.

Мимо прошли молодые люди. Двое парней и две девушки. Они громко смеялись, рассуждая о чем-то своем. Элина оглянулась на них.

– Чему радуется это толстомордая юность? – вспомнила она. – Так, кажется, говорил Бендер, ревнуя к молодым.

– Да, – улыбнулся Тимур. Ему было приятно, что она вспомнила именно это литературное произведение.

– Мне о вас много рассказывала Наташа, – призналась Элина, – она считает вас необыкновенно порядочным и деликатным человеком.

– Она преувеличивает, – признался Караев, – я совсем не белый и не пушистый.

Она остановилась. Повернулась к нему.

– Она сказала мне, что вы давно разведены. – Элина смотрела ему в глаза.

Он почувствовал некоторое смущение.

– Да, – признался он, – я уже давно холостяк.

– Мне было бы интересно с таким человеком, как вы, – вдруг сказала она.

Никогда в жизни ни одна женщина не говорила ему таких слов. Или Элина слишком много времени провела на Западе, где эмансипация женщин достигла своего предела?

Тимур стоял перед ней и не знал, что ему сказать.

– Если вы ничего мне не скажете еще несколько секунд, я почувствую себя старой дурой, – пригрозила она.

И тогда он, наклонившись, дотронулся своими губами до ее губ. Они были сухие и горячие. Элина улыбнулась.

– Такой деликатный поцелуй. – Она говорила, а он видел только пространство над ее губой. Он даже не смотрел ей в глаза.

– Мы можем поехать ко мне, – вдруг услышал он свой шепот и понял, что это именно он произнес эти слова.

– Нет, – улыбнулась она, – нет.

И вдруг, обхватив его шею правой рукой, она сама поцеловала его. На этот раз гораздо сильнее. Затем обернулась и показала на дом.

– Я уже пришла, – сказала Элина, – будет лучше, если мы сегодня расстанемся. Хорошего понемногу. Хотя хорошего много и не бывает. До свидания, полковник Караев. Я надеюсь, вы оставите мне номер своего телефона? И даже возьмете мой? Или это уже слишком роскошная мечта?

Лас-Вегас. Штат Невада. США. 18 мая 2006 года

Все казино мира похожи друг на друга. Одинаково бесстрастные лица крупье, работающие повсюду камеры, горящие скрытым азартом лица игроков, негромкий гул голосов, стук падающих шариков. И чем больше помещения для игры в казино, тем больше энергетика нервного ожидания, пронизывающая все пространство, сталкивающаяся энергия игроков, каждый из которых заряжен на выигрыш.

Сидевший за столиком Таир Хамидуллин играл в казино по-крупному. Перед ним лежали стопки жетонов, каждый из которых был достоинством в тысячу долларов. Он выбирал, на какое число ставить, и внешне равнодушным движением руки бросал жетоны на выбранные им числа. За последние два часа он уже проиграл больше пятидесяти тысяч долларов и выиграл около четырех. Крупье каждый раз вздрагивал, когда этот игрок ставил свой жетон на конкретное число. В случае выигрыша Хамидуллин мог получить тридцать шесть тысяч долларов.

Таир играл, не обращая внимания на остальных игроков. Ему уже шел сорок седьмой год. Он был по-прежнему сухопарый, подтянутый мужчина, уже начинающий седеть и лысеть. Страсть к игре, сжигавшая его постоянно, позволяла ему не слишком увлекаться обжорством. К еде он был равнодушен, но алкоголь и дорогие сигареты были его вечными спутниками. Сидя за столом, он не обращал внимания на соседний стол, где находились двое незнакомых мужчин. Они внимательно следили за его игрой. Если бы ему сказали, что эти двое приехали с ним из Сиэтла, где он сейчас жил, он бы очень удивился. Но это соответствовало действительности. Двое агентов ФБР неотступно следовали за ним уже четвертый день, прикрепленные к нему особым распоряжением руководства Федерального бюро.

К ним поступил запрос насчет Хамидуллина, которого должны были убить в ближайшие дни. В сообщении особо оговаривалось, что убийцами могут быть двое приехавших гостей, один из которых женщина лет сорока, часто выдающая себя за блондинку, и ее спутник, лысоватый мужчина лет сорока пяти, чуть ниже ростом своей спутницы. Оба агента ФБР даже имели распечатанные фотографии, на которых были смазанные снимки обоих возможных преступников. Именно поэтому они внимательно следили за Хамидуллиным, отмечая всех сидевших с ним за столом.

Они не могли даже предположить, что в другом конце зала уже находится эта парочка. Женщина была теперь эффектной брюнеткой с коротко остриженными волосами, а ее спутник, наоборот, надел рыжеватый парик и очки, превратившись в молодящегося спутника своей дамы. Он был в светлом пиджаке и клетчатых брюках. Они уже обратили внимание на агентов ФБР, неотступно следовавших за Хамидуллиным, и поэтому старались держаться на некотором расстоянии.

– Они уже знают о нашем появлении в Америке, – тихо сказал мужчина.

– Тебя это удивляет? – спросила женщина. – По-моему, так и должно быть. Мы с тобой успели отличиться.

– Я думал, что у нас еще есть немного времени, – признался мужчина, – может, нам следует уехать отсюда?

– Ты боишься? – усмехнулась женщина. – Неужели ты начал бояться, Роберт?

– За тебя – да. За себя – нет. Если бы ты уехала, мне было бы гораздо спокойнее. И безопаснее. Они ищут двоих. У них есть сведения, что нас двое.

– Это верно, – улыбнулась она. – Между прочим, ты выиграл. Забери свои деньги, крупье уже смотрит на тебя.

Мужчина, ставивший десять долларов на черное, забрал жетон, который ему подвинул крупье. И снова поставил на черное. Оба жетона.

– Это неразумно, – сказала женщина, – лучше ставить по очереди.

– Нет, – возразил Роберт, – снова на черное.

Он опять выиграл. Крупье положил еще два жетона.

– Я оставлю все четыре, – решил мужчина, – посмотрим, что выпадет на этот раз.

– Три раза подряд черное? – усмехнулась она. – Давай проверим.

В третий раз шарик снова выпал на черное. Крупье сложил уже восемь жетонов вместе.

– Может, ты уже их заберешь или будешь продолжать игру? – поинтересовалась она.

– Продолжу, – упрямо решил он, – я чувствую, что будет черное и в этот раз. В четвертый.

– Давай проверим, – решила она.

В четвертый раз шарик снова лег в черную лузу. На этот раз число жетонов уменьшилось. Крупье забрал восемь жетонов по десять долларов и вернул шесть. Добавив один жетон на сто долларов.

– Мы можем закончить игру, – сказала она, – я думаю, будет лучше, если вечером я случайно постучусь к нему в номер. Остальное будет несложно. Мне нужна минута, чтобы все сделать.

– Нет, – возразил Роберт. – Он поставил сто шестьдесят долларов на черное. – Ни в коем случае. Эти сотрудники ФБР не дураки. Они наверняка сняли номер где-нибудь рядом и оборудовали его камерами наблюдения. Или «жучками». Ты не успеешь даже выйти из номера, Нина, как они тебя арестуют.

– Тогда появишься ты, – улыбнулась она.

– Они вызовут полицию, – возразил Роберт, – и я не смогу ничего сделать. У нас один пистолет на двоих. Ты об этом не забыла?

– Ты становишься осторожен, – заметила Нина, поднимая правую бровь.

– Не всегда.

Шарик в пятый раз выпал на черное. Она взглянула на него и улыбнулась:

– Будешь рисковать в шестой раз?

– Не знаю. – Он посмотрел на свои жетоны.

– Что тогда мы будем делать? – поинтересовалась Нина.

– Я уже придумал, – ответил Роберт и поставил свои жетоны в шестой раз на черное.

На этот раз он проиграл. Крупье сгреб все жетоны лопаточкой, двигая их к себе.

– Ты слишком рисковал, – сказала она.

– Иногда стоит попробовать, – улыбнулся он.

Больше они не играли. Хамидуллин продолжал проигрывать. Он начал нервничать, выписал чек еще на сто тысяч долларов, передав его для получения новых жетонов. Агенты ФБР переглянулись.

– Зачем мы должны следить за этим сумасшедшим русским агентом, если он хочет проиграть все свое состояние, – зло заметил один из них.

– Он не русский, – сказал другой, более продвинутый, – он, кажется, татарин. Эта такая национальность в России. Они мусульмане.

– Пусть хоть араб, – разозлился первый, – мы не должны сидеть и смотреть, как он проигрывает свои деньги, полученные за предательство.

– Ничего. Скоро он проиграет все свои деньги и вернется в Сиэтл. Хорошо, что мы успели оборудовать его гостиничный номер. Можно спокойно сидеть в своем и ждать, пока за ним придут. Хотя кому он нужен такой? Посмотри на него. Все его мысли только об этой проклятой игре. Если ему некуда девать деньги, пусть создаст благотворительный фонд.

– Расскажешь ему об этом, когда он проиграет все свои деньги, – предложил первый.

Хамидуллин наконец выиграл шесть тысяч долларов. Он забрал фишки и улыбнулся. В этот момент рядом появилась молодая женщина в открытом светло-голубом платье. У нее были роскошные каштановые волосы. Она улыбнулась счастливчику.

– Вы всегда так выигрываете? – поинтересовалась она.

– Всегда. – Ему понравилась эта красавица.

– Она не блондинка, – сказал первый агент, – и ей явно не сорок лет. Кроме того, она гораздо выше ростом.

– Можно перекраситься, – возразил второй. – Но насчет женщины ты прав. Ей явно не сорок, и она гораздо выше ростом. Есть вещи, которые нельзя переделать. Но все равно нужно к ней присмотреться. Подойди к ним и послушай, о чем они говорят.

Хамидуллин выиграл и во второй раз. На этот раз около восьми тысяч долларов. Молодая женщина дотронулась до его плеча:

– Вам сегодня везет.

– Это благодаря вам, – галантно заметил Хамидуллин.

Он был вполне счастлив. Наконец фортуна ему благоволила. Проиграв еще два раза, он снова выиграл. На этот раз более двадцати тысяч долларов. Агент ФБР, стоявший рядом, недовольно пожал плечами. Этот сумасшедший теперь не уйдет отсюда. Женщина, сидевшая с ним, взвизгнула от радости, похлопав его уже по ногам. Это ему понравилось. Он попросил принести два бокала белого вина.

Агент вернулся к своему старшему напарнику.

– Он выигрывает и сходит с ума, – зло доложил он, – а эта женщина его только подзадоривает. Наверно, ее прислали от казино. Может, она получает здесь зарплату, чтобы раскручивать клиентов. Но она явно не та дама, которую мы ждем. Она выше ростом сантиметров на двадцать.

Примерно часа через полтора Хамидуллин выиграл уже около ста пятидесяти тысяч долларов. Он был не просто счастлив, он был безумно рад и даже позволил молодой женщине поцеловать себя в щеку.

– Нужно остановиться и поужинать, – весело предложила она, – иначе ты умрешь с голода.

Крупье поблагодарил за игру, отходя в сторону. Его сменил другой, более пожилой.

– Да, – выдохнул Таир, – мне нужно немного отдохнуть. – Он вдруг почувствовал, как затекла спина и болят ноги. Ведь он провел за этим столом более восьми часов. – Как тебя зовут? – спросил он у своей спутницы.

– Эстер, – улыбнулась она.

– Ты очень красивая, – сказал Таир. – Где мы будем ужинать?

– Мы можем заказать в мой номер, – предложила она, улыбаясь.

– Пошли. – Он вдруг вспомнил, что у него уже давно не было женщин. Агентам не приказывали следовать за этим типом, когда он ляжет в постель с очередной знакомой. Но они пошли за этой парочкой и даже вошли в кабину лифта. Таир не обращал никакого внимания на этих двоих. Он поднялся на шестой этаж и прошел следом за Эстер. Она достала свою карточку-ключ, открывая дверь. Агенты ФБР переглянулись: к такому они были не готовы. Придется подождать в конце коридора, пока он закончит с ней свое свидание. Дама пропустила его первым, вошла следом. После восьмичасового сидения ему захотелось в туалет, куда он и прошел. Из комнаты вышел Роберт и протянул ей тысячу долларов.

– Шутка удалась? – спросила Эстер.

Он нашел ее вчера в ночном клубе и уговорил сыграть эту роль, объяснив, что они собираются разыграть своего знакомого. Эстер согласилась. К тому же свои доводы он подкрепил обещанием в тысячу долларов. Получив деньги, она улыбнулась и вышла из номера. Хамидуллин умывался, предвкушая радость встречи с этой миловидной особой. Наверно, шлюха, каких здесь полным-полно. И у нее должен быть свой презерватив.

Дверь приоткрылась. Он обернулся. Неужели ей так не терпится. Вместо женщины в дверях стоял мужчина, похожий на клоуна. Нелепые рыжеватые волосы – очевидно, парик, – клетчатые брюки, светлый пиджак, темная рубашка. Или здесь развлекаются таким образом?

– Что вам нужно? – недовольно спросил Таир, вытирая лицо полотенцем.

– Майор Таир Хамидуллин, вы приговорены к смертной казни за предательство, – вдруг сказал по-русски этот тип, поднимая оружие с глушителем.

– Подождите, – хотел крикнуть Таир. Он даже попытался закрыться полотенцем. Первый выстрел, второй, третий. Как обычные щелчки. Хамидуллин свалился в ванну.

Убийца подошел к нему. Немного заколебался. Он не хотел брать эти деньги. Но это были деньги казино. Убийца вытащил из кармана деньги, посмотрел на убитого. Вытащил несколько стодолларовых бумажек и бросил их на труп, как плату за уборку. Затем положил остальные деньги в карман и вышел из ванной. Выйдя из номера, он сразу свернул на аварийную лестницу. На следующем этаже его ждала у такой же двери Нина. Она открыла ему дверь, впуская его с аварийной лестницы в коридор. С другой стороны дверей обычно не бывает дверных ручек.

Оба агента ФБР встревожились, когда увидели подходившую к кабине лифта Эстер. Первый даже шагнул к ней и схватил за руку:

– Куда вы спешите? Где ваш друг?

– А вам какое дело? – рассмеялась женщина.

– Мы из ФБР, – представился второй, доставая свое удостоверение, – почему вы оставили его одного?

– Он не один, а со своим другом, – улыбнулась она. – Они хотели над ним подшутить.

– Стойте на месте и не двигайтесь, – закричал первый, доставая оружие. – Отойдите от кабины лифта.

Эстер испуганно отошла.

– Идемте за нами и откройте нам дверь, – приказал второй. Эстер пожалала плечами. Мужчин иногда трудно понять. Она прошла по коридору, достала карточку, вставила ее в замок, открыла дверь.

– Входите и убедитесь, что все в порядке, – недовольно сказала она.

Они вбежали в комнату. Эстер прошла следом за ними. Здесь было чисто и прибрано.

– Убедились? – недовольно спросила она. – Этот номер мы сняли для шутки. Его друзья захотели над ним пошутить.

Первый агент ФБР подошел к ванной и открыл дверь. Затем опустил оружие и спросил у Эстер:

– Вы сказали «пошутить»? Посмотрите, как они пошутили.

Эстер подошла к ванной, и ее пронзительный крик услышали в самом конце коридора. Второй сотрудник ФБР уже звонил в полицию и в администрацию отеля, приказав перекрыть все выходы из здания. Как раз в этот момент Роберт и Нина отъезжали от отеля.

– Ты здорово все придумал, – сказала Нина, – только будь добр, посвящай меня заранее в свои планы. Так будет гораздо удобнее...

Москва. Россия. 19 мая 2006 года

Такого с ним не случалось давно. Или он забыл, когда подобное с ним происходило. Он влюбился. Всю ночь он провел в постели не смыкая глаз. Он чувствовал ее запах, вспоминал ее губы, ее долгий поцелуй. Ему было даже немного неловко, словно в его годы нельзя было испытывать подобные чувства. Если бы ему сказали, что подобное возможно, он бы не поверил. Конечно, у него были какие-то женщины, сразу после развода. С некоторыми из них вялотекущие романы продолжались и до сих пор. Они встречались, когда у них появлялось свободное время. Встречались без взаимных обязательств и без особого желания, просто для того, чтобы вместе провести время. Это было как необходимая утренняя пробежка. Раз или два раза в месяц. Иногда чаще, иногда реже. Но он давно не испытывал такого потрясения, какое произошло с ним вчера ночью.

Возможно, сказались события последних дней. Возможно, что она произвела на него впечатление своей открытостью и непосредственностью. Хотя женщине в сорок лет трудно быть застенчивой, как в двадцать. Прожитая жизнь накладывает на нее свой отпечаток. К тому же любая женщина подсознательно чувствует, что физиологические изменения уже не за горами, и словно пытается остановить ускользающее время.

Утром он отправился принимать душ. Нужно было определяться с ответом Большакову. Дальше ждать не имело смысла. Но в это утро ему хотелось думать только о женщине, с которой он вчера познакомился. Однако у него были определенные обязательства перед супругой Павла. И он обязан позвонить хотя бы для того, чтобы все было обставлено несколько иначе.

В половине десятого он позвонил. Ему ответил незнакомый голос. Караев попросил о встрече. Ему тут же объявили, что он может приехать сегодня в два часа по указанному адресу. Адрес ему сразу продиктовали. И положили трубку.

Впервые в жизни ему предстояло сделать нечто такое, что, возможно, попадало под статьи Уголовного кодекса. Он всегда был офицером, работающим на свое государство, всегда твердо знал, что он выполняет государственные задачи и служит на благо своего Отечества. В случае с Большаковым сказать подобное было невозможно. Если такая организация, как «Щит и меч», действительно существует, то она является противозаконной и действует в обход существующего законодательства. А это означало, что автоматически и он, бывший полковник контрразведки, становится лицом, действующим в обход законов. Что ему совсем не нравилось.

Но на встречу он поехал. Ему было важно обговорить свои собственные условия. В квартире его ждали. Немногословный мужчина лет сорока провел его в большую гостиную и вышел, ничего не сказав. Очевидно, это была одна из тех квартир, которые использовались сотрудниками спецслужб для конспиративных встреч. Ждать пришлось долго. Минут двадцать. Он разглядывал обстановку, пытался понять, кто здесь может жить. Телевизор в комнате был, но он нигде не нашел пульта, чтобы его включить. Поэтому решил, что будет лучше сидеть в тишине. Но через некоторое время он встал и включил телевизор, подойдя к аппарату. Убавив звук, он слушал последние известия. Еще через несколько минут в комнату наконец вошел Большаков. Он крепко пожал руку Караеву.

– Извините, что опоздал, – начал генерал, – везде ужасные пробки. Невозможно проехать.

– Я думал, что у вас есть машины с «маяками», которые могут проезжать, где им хочется, – пошутил Тимур.

– У меня как раз такая машина, – сказал Большаков, – но даже на ней я опаздываю на встречи. Как вы понимаете, не всегда помогают и установленная сирена, и спецсигналы. В нашем городе нужно передвигаться на вертолете. Так будет быстрее. Тем более по пятницам, когда все стремятся выехать за город. Перейдем к делу. Вы обдумали наше предложение?

– Я не совсем понимаю структуру вашей организации. Вы работаете в обход существующих законов?

– Нет. Разумеется, нет. Мы работаем исключительно в рамках нашего законодательства. Что касается нашей деятельности за рубежом... то и здесь мы всего лишь выполняем отложенные приговоры наших судов. Как видите, ничего противозаконного. Кроме того, наша Государственная дума недавно законодательно разрешила находить преступников и ликвидировать их, даже если они находятся за рубежом.

– Но выполнение подобных операций возможно только с санкции президента страны, – напомнил Караев.

– А кто сказал, что президент не знает про нас? – вдруг спросил Большаков. И, увидев ошеломленное лицо своего собеседника, улыбнулся. – Конечно, мы не докладываем о проделанной работе, но уверяю вас, что среди тех, кто его окружает, в Администрации Президента, у нас много сторонников. Которые прекрасно знают о нашей деятельности и вполне ее одобряют. В конце концов, задача спецслужб во всем мире – это охрана государственных секретов собственного государства. Мы не можем оставлять в живых столько бывших агентов, которые могут даже невольно выдать кого-нибудь из своих бывших однокурсников, коллег, друзей, о которых они еще не успели рассказать.

– Но Павла Слепцова вы убрали в Москве, – напомнил Караев.

– Это уникальный случай, – согласился Большаков, – он работал на французскую разведку и невольно мог подставить нашего информатора, который уже несколько лет работает на нас. Нужно было выбирать. Либо безопасность нашего агента, которого мы искали столько лет и с таким трудом заполучили, либо жизнь бывшего офицера спецслужбы, предавшего своих товарищей. Мы свой выбор сознательно сделали. И вы тоже должны его сделать, Караев. Я понимаю, что вы были друзьями, но это тот случай, когда предают именно свои. Он был предателем и не заслуживал никакой пощады.

Караев молчал. Он вспоминал дорогую квартиру своего друга, его машины, его расходы. Как легко объяснял Павел все эти покупки кредитами, полученными в банке, где он работал. Как легко в это верил сам Тимур, ни разу даже не заинтересовавшийся, на каких условиях банк выделял такие деньги своему сотруднику, работающему на самой рядовой должности в службе безопасности.

– Вы со мной согласны? – спросил Большаков.

– Не во всем, – ответил Тимур, – но у меня есть два условия. Прежде чем я к вам приду. Во-первых, дело Павла Слепцова. Ничего изменить уже нельзя. Но можно как-то облегчить страдания его вдовы. Я предлагаю продумать вариант возвращения тела погибшего его семье. Можно придумать, что его сбила машина и неопознанный труп несколько дней пролежал в морге. Можно придумать, что у него начался острый сердечный приступ и он скончался по дороге в больницу. Словом – все, что угодно. Но сделать так, чтобы эта пугающая неизвестность закончилась и его несчастная вдова получила бы могилу, куда могла приносить цветы.

– Мы обычно подобного не практикуем, – сказал Большаков, задумавшись, – но если вы считаете, что так будет правильно, мы подумаем. Я вам обещаю, что мы что-нибудь придумаем. Но с уловием, что вы не будете настаивать на вскрытии его тела.

– Безусловно. Это я беру на себя.

– А второе условие?

– Я заранее вас предупреждаю, что в подобных акциях никогда и ни при каких обстоятельствах не буду принимать участия. Я аналитик, а не ликвидатор, надеюсь, это вы понимаете.

Большаков улыбнулся.

– Дорогой Тимур Аркадьевич, – весело сказал он, – я только сейчас подумал, что вы несколько оторвались от вашей прежней работы. Дело в том, что найти нужного ликвидатора не очень сложно. Профессионалов везде мало, но убийцу не нужно даже готовить. Их всегда

много. А вот с аналитиками сложнее. Здесь нужны мозги, и мозги подготовленные. Кого попало нельзя взять с улицы и обучить. Поэтому нам важен ваш мозг, а не ваше умение стрелять. Хотя стреляете вы тоже неплохо.

Большаков умолк, затем неожиданно спросил:

– Скажите, как нам быть? Оставить все как есть? Мало того, что мы проиграли «холодную войну», позволили развалить свою страну, опрокинули свою экономику, устроили массу локальных гражданских войн по всему периметру наших границ, получили чужие войска в нескольких километрах от наших столиц, так надо еще и забыть про предателей? Про тех, кто помогал разрушать нашу страну? Каждый из них не просто предал свою страну и свою прежнюю жизнь. Каждый из них виновен в гибели и муках очень многих людей. Они ведь не просто переходили на сторону врага, они сдавали ему наших агентов, наших информаторов, наших осведомителей. Сколько сотен людей замучили пытками, убили, растерзали. Сколько жизней они растоптали, сколько семей. И все забыть? Простить? Вам не кажется, что это будет слишком большим подарком таким людям. Они уверены, что КГБ больше не существует и поэтому они могут спокойно тратить свои «сребреники», полученные за предательство. КГБ действительно нет. Но мы остались. И мы не забыли о каждом из них. И не можем забыть. Их сладкая жизнь в западном раю оплачена кровью наших товарищей. Такое не прощается, Караев. Вы обязаны это понимать.

– И тем не менее я никогда не буду принимать участие в подобных акциях, – твердо повторил Тимур, – я только аналитик и в этом качестве могу быть вам полезен.

– Договорились. Что-нибудь еще?

– Все. У меня больше нет никаких условий. Я должен буду уйти со своей нынешней работы в нефтяной компании?

– Это было бы желательно, чтобы не связывать себя с другими людьми. Насчет зарплаты можете не беспокоиться. Мы не имеем столько нефтяных скважин, зато имеем много друзей. В зарплате вы не потеряете.

– В этом я как раз не сомневался.

– Тем лучше. Я завтра буду вас ждать у себя в кабинете. Адрес вы должны знать. Приезжайте в Научно-исследовательский проектный институт стали. Вы знаете, где он находится?

– Знаю. Но нам говорили, что это помещение, которое использует Комиссия.

– Вам правильно говорили. Вот туда и приезжайте. Завтра в десять. Дежурный будет предупрежден.

– Но завтра суббота, – напомнил Караев.

– Это не имеет значения, – улыбнулся Большаков. – До свидания. До встречи.

Большаков поднялся и, пожав ему руку, вышел из комнаты. Караев, знавший законы конспирации, сидел еще несколько минут и только затем пошел к выходу. Выходя из квартиры, он молча закрыл за собой дверь, уже ничего не спрашивая. Затем спустился вниз, вышел на улицу. Останавливать машину рядом с домом было нельзя. Нужно было пройти на соседнюю улицу. Караев задумчиво переходил улицу на зеленый свет. Большаков сказал, что у него машина со спецсигналом. Раньше он был генералом, а теперь? Интересно, кем он работает? И какое отношение имеет к Комиссии? Неужели он среди ее руководителей? В таком случае ясно, каким влиянием обладает этот человек.

Караев вернулся домой через полчаса. Он сразу подошел к телефону и набрал номер полковника Гущина, который работал с ним еще до перестройки. Петр Петрович Гущин возглавлял один из технических отделов в ФСБ и считался одним из лучших специалистов в этой области. Он был на восемь лет моложе Караева.

– Петр, здравствуй, – начал Тимур, услышав голос своего знакомого.

– Добрый день, – обрадовался Гуцин, – сколько мы не виделись? Уже целую вечность. Ты решил, что ушел на пенсию и можешь исчезнуть так, чтобы тебя не нашли? Не забывай, что у нас есть свои возможности.

– Твои возможности безграничны, – согласился Караев. – У меня к тебе просьба, Петр. Я хочу узнать, чем сейчас занимается один человек. Мы с ним встречались в Швеции, когда я там работал. Уже тогда он был генералом. А сейчас он работает в Государственной комиссии, и я хотел бы знать, на какой он должности.

– В Государственной комиссии? – переспросил Петр. – Я там некоторых знаю. Как его зовут?

– Большаков. Иван Сергеевич Большаков.

Наступило молчание.

– Алло, – сказал Караев, – ты меня слышишь?

– Ты с ума сошел? – Он даже не узнал дрогнувший голос Гуцина. – Ну и шутки у тебя дурацкие, Караев.

– Подожди, подожди. Я ничего не понимаю. Почему шутки? Честное слово, я ничего не понимаю. Кем он работает?

– Я думал, что ты знаешь. Генерал-полковник Большаков является председателем Государственной технической комиссии при президенте страны. Неужели ты не знаешь, что он сменил на этом посту Григорьева?

– Он глава Комиссии? – не поверил услышанному Караев. Теперь все становилось понятным.

– Да. И не звони мне больше с такими дурацкими вопросами. Если это шутка, то очень неудачная. В следующий раз ты спросишь у меня, как зовут директора ФСБ или президента страны. До свидания.

Гуцин положил трубку. Караев ошеломленно молчал. Он знал, что такое Государственная техническая комиссия. Это был примерный аналог Агентства национальной безопасности США. Только в отличие от АНБ об этой Комиссии никто не знал. Но он даже не мог себе представить, что его собеседник является таким важным чиновником. Одним из самых важных в структуре спецслужб страны. Одним из самых важных людей в стране. Человеком, возможности которого были поистине безграничны.

Если министры внутренних дел или юстиции гласно назначаются президентом и присутствуют на заседаниях Кабинета министров, если назначения директоров ФСБ, СВР или ФСО обсуждаются даже в печати и они должны отчитываться не только перед главой государства, но и перед парламентом за свою работу и деятельность возглавляемых ими организаций, а также выслушивать ехидные реплики журналистов на пресс-конференциях, которые они хотя бы изредка проводят, читать критику в адрес сотрудников своих ведомств, то глава Государственной технической комиссии абсолютно никому не известен. Он никогда не дает интервью, о работе его сотрудников ничего не известно. Даже его имя является государственной тайной для большинства граждан его собственной страны. Его назначает своим закрытым указом президент России. Ни состав, ни численность, ни кадры, ни техническое обеспечение Комиссии не подлежат оглашению и обсуждению. Это самый секретный орган в стране, даже более секретный, чем Служба внешней разведки. Хотя бы потому, что о Службе знают все, а о существовании Комиссии никто и не подозревает.

**СПРАВКА. СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.
ОТПЕЧАТАНО В ОДНОМ ЭКЗЕМПЛЯРЕ.**

НЕ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ. НЕ ВЫНОСИТЬ ИЗ ЗДАНИЯ

Государственная техническая комиссия СССР была создана решением Совета Министров СССР от восемнадцатого декабря тысяча девятьсот семьдесят третьего года. Возглавил Комиссию маршал Огарков. Следующими руководителями Комиссии были В. Шабанов, Ю. Яшин, М. Колесников, С. Григорьев. В январе две тысячи шестого года руководителем Комиссии был назначен генерал-полковник И. Большаков.

Государственная комиссия была создана для противодействия иностранной технической разведке и деятельности Агентства национальной безопасности в СССР. Были определены главные задачи по защите информации в области обороны, политики, экономики, науки, экологии, ресурсов и противодействия иностранным техническим разведкам.

В январе тысяча девятьсот девяносто второго года Указом Президента России был поднят статус Государственной комиссии, которая отныне называлась Государственная техническая комиссия при Президенте страны. Руководитель Комиссии подчинялся непосредственно Президенту и считался одним из руководителей спецслужб страны.

Особо оговаривалось, что решения Государственной комиссии являются обязательными для исполнения всеми органами государственного управления, предприятиями, организациями и учреждениями по всей территории страны и за рубежом независимо от их организационной, правовой, экономической формы собственности, которые по роду своей деятельности обладают информацией, составляющей государственную или служебную тайну.

24 июня 1999 года при Гостехкомиссии образовано Главное научно-техническое управление, занимающееся разработками новых видов технического обеспечения безопасности промышленных объектов, правительственных и научных учреждений страны. В настоящее время специалистов для Гостехкомиссии готовят в Военной инженерно-космической академии им А. Можайского, Военном институте радиоэлектроники, Межотраслевом специальном центре при Минатоме России, Главном научно-методическом центре Миноборонпрома России. А также по необходимости привлекаются специалисты из ведущих институтов и университетов Москвы и Санкт-Петербурга.

В состав коллегии Гостехкомиссии входят по должности заместители министров и руководителей спецслужб, в том числе заместители руководителей ФСО, ФСБ, СВР, ФАПСИ, юстиции, внутренних дел, иностранных дел, экономики, Минатома, МЧС и других центральных ведомств. Кроме того, в состав коллегии входят начальник Главного оперативного управления Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации – первый заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил России, а также начальник вооружения Вооруженных сил Российской Федерации.

Государственная техническая комиссия является закрытым органом обеспечения государственной безопасности страны. Все публикации о ее деятельности запрещены. Любое упоминание о ней в материалах прессы запрещено. Любые ссылки на постановления Комиссии в открытой печати запрещены. Любой документ, поступивший из Комиссии, является совершенно секретным. Любая информация о работе Комиссии является государственной тайной. И вместе с тем согласно Указу Президента от тысяча девятьсот девяносто второго года, подтвержденного распоряжениями тысяча девятьсот девяносто девятого года и две тысячи шестого, Государственная техническая комиссия приравнена к федеральным органам исполнительной власти страны. А ее руководитель соответственно к членам Правительства Российской Федерации.

Численность сотрудников Центрального аппарата Государственной технической комиссии установлена в пределах ста шестидесяти трех единиц. В пределах штатного расписания Центрального аппарата разрешено прикомандировать сто тридцать шесть военнослужащих. На местах создаются региональные центры Государственной технической комиссии, которые подчиняются исключительно своему руководству в Москве и не подотчетны ни местным властям, ни находящимся на месте воинским частям, ни органам государственной безопасности.

Лэнгли. Вашингтон. Округ Колумбия. США. 19 мая 2006 года

Совещание открыл сам директор ЦРУ Портер Госс. Каждый должен был сообщить о своих соображениях. Первым выступал директор аналитического управления Джон Кринген, который доложил о ситуации, сложившейся после убийства в Лас-Вегасе. Затем слово получил руководитель управления по связям с общественностью Марк Мансфилд, который коротко доложил о проводимых его службой мероприятиях по нейтрализации поступающих сообщений о ликвидации бывших советских агентов. Во всех случаях удавалось списывать эти убийства на различные причины, не указывая истинных подозрений насчет прошлого каждого из погибших.

Третьим слово было предоставлено специальному агенту Джеймсу Крейгу, который проводил все расследования. Крейг, поднявшись со своего места, увидел заинтересованные взгляды всех остальных. Кивнул своему напарнику Кингу, который мрачно сидел в углу, не ожидая ничего хорошего от этого совещания.

– Двенадцатого мая был убит в Глазгоу американский гражданин Уильям Бернард Бентон, – начал свой доклад Крейг, – он же майор советской разведки Алексей Труханов. Затем через два дня в Детройте был застрелен Арон Гринберг. Еще через два дня, несмотря на выделенную ему охрану из сотрудников ФБР, был застрелен в Лос-Анджелесе бывший сотрудник внешней разведки Константин Уранов. И наконец, вчера в Лас-Вегасе, имея охрану из агентов ФБР, был убит Таир Хамидуллин. – Крейг не смог правильно произнести фамилию и заглянул в свою «шпаргалку», чтобы прочесть нужную ему фамилию.

– Значит, из четырех преступлений два были совершены после того, как бывшим агентам выделялась охрана, – переспросил недовольный Госс.

– Верно, – согласился Крейг, – мы проанализировали все происшедшие случаи, и не только в нашей стране. Можно сказать, что русские развернули настоящую атаку на демократические страны, находя своих бывших агентов по всей Европе. В Латвии, Германии, Грузии также погибли бывшие сотрудники спецслужб, перешедшие на другую сторону.

– Вы получили список агентов, которые могут подвергнуться нападению? – уточнил кто-то из присутствующих.

– Да, – кивнул Крейг, – мы составили список из четырнадцати человек, которые могут в ближайшие дни подвергнуться нападению. Среди них двоих уже нет в живых.

– Значит, ваш анализ оказался правильным?

– Мы послали эти списки в ФБР, – пояснил Крейг, – и предупредили, что все указанные агенты должны быть взяты под особую охрану. В ФБР посчитали, что будет достаточно, если они просто прикрепят к каждому из указанных нами лиц своих двух агентов. В Лос-Анджелесе они даже, не скрываясь, ездили по пятам за Урановым, а когда он вошел в ресторан, чтобы пообедать, решили остаться в салоне своей машины. В результате его застрелили, когда он прошел в туалетную комнату.

Крейг видел недовольные лица некоторых из присутствующих и понимал, что его доклад может не понравиться некоторым высокопоставленным сотрудникам ЦРУ, находившимся в этой комнате. Но он продолжал свой доклад:

– Вчера в Лас-Вегасе был застрелен Таир Хамидуллин. Мы вывезли его из Турции еще в девяносто втором. У него были большие долги, которые мы оплатили. Он любил играть в казино, хотя, перед тем как сбежать на Запад, ему удалось присвоить часть денег, которые республика Таджикистан выделила на закупку оружия. По информации турецкой контрразведки, он, возможно, виновен в гибели руководителя делегации, который был отравлен. Однако пря-

мых данных, указывающих на его вину, мы не имеем. Затем он неплохо заработал на акциях технологических компаний уже в нашей стране. Но он проигрывал огромные суммы. И на вчерашний день у него оставалось менее двух миллионов долларов.

– Почему агенты ФБР оставили его одного? – поинтересовался директор Госс. – Ведь вы выслали специальное сообщение?

– Они пытались не отходить от порученного им агента. Установили аппаратуру в его номере отеля. И получили фотографии ликвидаторов. Если бы к Хамидуллину подошел один из двоих подозреваемых, то агенты имели право открывать огонь на поражение. Но вместо этого к игравшему в казино Хамидуллину подседа молодая женщина двадцати лет. Они были вместе минут тридцать или сорок. Потом поднялись в ее номер. Оказывается, ее нанял один из ликвидаторов, оплатив ее услуги и пояснив, что это всего лишь обычный розыгрыш. Агенты ФБР проводили Хамидуллина и его новую знакомую до ее номера и устроились на дежурстве у лифта. Когда женщина вышла, они сразу поняли, что их обманули. Но в номер отеля они ворвались слишком поздно. Убийца успел уйти.

– Почему не задействовали наш департамент поддержки? – гневно уточнил директор ЦРУ.

Все посмотрели туда, где сидела Стефания Смит, руководитель управления поддержки. Она не смутилась:

– Было принято решение обойтись силами ФБР, – заявила она, – и поэтому наши сотрудники не подключались к подобному проекту.

– Нужно было сразу задействовать наших людей, – обратился к Крейгу директор ЦРУ. Портер Джонстон Госс был только недавно назначен на этот пост. Он сменил самого Джорджа Тенета, который был не только директором, но и прошел все ступени кадрового роста, занимая пост и заместителя директора ЦРУ по оперативной работе. У самого Госса такого опыта было гораздо меньше, и поэтому он иногда комплексовал. Среди его предшественников были великие имена Аллена Даллеса, Уильяма Колби, Джорджа Буша-старшего, Уильяма Уэбстера и других. На их фоне Госс выглядел не очень привлекательно. К тому же его всегда сравнивали с ушедшим Тенетом, и явно не в пользу самого Госса.

– Нужно было задействовать наших людей, – повторил директор ЦРУ, – и обеспечить охрану всех остальных агентов. Почему вы этого не сделали?

– Вопрос обсуждался с руководителями нескольких отделов, – доложил Крейг. – Было принято решение передать досье на охрану этих лиц в ФБР. Почти все указанные агенты уже прекратили с нами активно сотрудничать. Мы считали, что нужно поручить их охрану ФБР, чтобы не подставлять наших людей.

– Вы ошиблись. С самого начала было ясно, что прибывшие ликвидаторы имеют отношение к спецслужбам. И обычные агенты ФБР их не остановят. Вы можете зачитать ваш список? Оставшихся в живых агентов.

– Конечно. – Крейг достал список агентов, живущих в Соединенных Штатах. – У меня одиннадцать фамилий. Майор Левченко, полковник Бохан, подполковник Морозов, генерал Калугин, полковник Ползунов, подполковник Фоменко, подполковник Макеев, полковник Скобелев, подполковник Черпинский. И еще двое офицеров – Коноплев и Илларионов. Итого одиннадцать человек, находящихся в настоящее время на нашей территории.

– Вы получили рекомендации аналитического отдела? – Было понятно, что Портер Джонстон Госс уже не просто нервничает. Он был в ярости.

– Получили, – ответил Крейг. – Они считают маловероятным нападение на генерала Калугина. Слишком известное лицо. Затем Левченко. Его тоже убирают из списка. Он уже пожилой человек, работает в известной русской газете, и его убийство станет громкой сенсацией, окончательно испортив отношения Америки с Россией перед саммитом в Санкт-Петербурге. Мы считаем такое убийство маловероятным...

– Бентон-Труханов тоже был пожилым человеком, – напомнил Мансфилд, – но его убрали.

– Он жил по программе защиты свидетелей, – возразил Крейг, – и о нем никто не знал. Даже не помнили. Никто, кроме тех «ликвидаторов», которые прибыли в Глазгоу. Мы также считаем, что прибывших специалистов не заинтересует Илларионов, который работал на нас с конца восьмидесятых. В девяносто первом мы вывезли его в США. Он был обычным вице-консулом в Генуе и не мог знать большинства агентов, работавших в Италии. Именно поэтому его показания подверглись тщательному анализу. Выяснилось, что вся его разведывательная сеть на севере Италии, о которой он нам рассказал, не выдерживает никакой критики. Почти всех агентов он просто придумал, записывая туда всех, кого он мог знать, работая в Италии. Илларионов хотел привлечь к себе больше внимания, чем на самом деле заслуживал. Наши аналитики считают его «отработанным материалом».

Крейг взглянул на листок бумаги и твердо закончил:

– Остальные восемь бывших агентов обязаны получить особую охрану. Судя по регулярности, с которой исполняют свои опасные трюки прибывшие гастролеры, мы планируем, что очередное убийство может произойти завтра или послезавтра. Мы пока видели только смазанные снимки возможных ликвидаторов. Но мы знаем, что их двое. Знаем их примерный возраст, манеру общения, даже имеем пленки с их изображением. Но это ничего нам не дает. Они могут загримироваться или вообще выйти из игры. Сейчас наши специалисты просматривают пленки из казино, чтобы определить, где могли быть возможные ликвидаторы.

– Восемь человек, – повторил директор ЦРУ Портер Госс. – Вы понимаете, мистер Крейг, какую ответственность возлагаете на нас? Если мы провалимся и завтра, то отправимся в отставку все вместе, расписавшись в своей полной профессиональной непригодности.

– Восемь человек, – повторил вслед за ним упрямый Крейг. – Убийцы появятся завтра или послезавтра. Рядом с любым из них. С любым. Нам нужно разделить и организовать восемь групп поддержки. Уже сегодня. И приступить к активным мероприятиям. Только так. Иначе мы рискуем потерять еще несколько человек. Обычные провинциальные агенты ФБР не могут справиться с ликвидаторами подобного уровня. Нужны наши люди, сэр.

Стефания Смит поднялась. Она понимала, что сейчас решается и ее судьба.

– Мы готовы начать активные мероприятия, с тем чтобы не допустить развития ситуации по худшему сценарию, – доложила она.

– Садитесь, – разрешил ей директор, – все равно подобная операция будет связана с моим именем. Мистер Давис, что по вашему ведомству?

Карлос Давис был руководителем Центра аналитической поддержки и изучения ситуационных моментов. К тому же он считался заместителем директора ЦРУ. Он подвинул к себе папку с документами.

– Мы несколько дней работаем над проверкой, – доложил Давис, – у нас получились очень интересные результаты. В Москве точно знают, где и как мы прячем их бывших агентов. Таким образом, утечка информации не вызывает сомнений. Что касается Европы, то здесь гораздо интереснее. Ни одного убийства в Великобритании. Их спецслужбы работают безукоризненно. Даже самый известный перебежчик, который был резидентом советской разведки в Лондоне, Олег Гордиевский, спокойно ходит на все мероприятия, организуемые в столице Великобритании. Информация в Москву идет по линиям западногерманской и французской разведок. У нас есть подозрения, что это сотрудник, находящийся в Штабе Верховного командования НАТО в Европе, или специалист, отвечающий за обе эти страны. На его поиски нам могут понадобиться недели две. Или три.

– За три недели они перебыют всех агентов, – возразил директор ЦРУ. – Я полагаю, вы отдаете себе отчет в том, что три недели – это абсолютно нереальный срок. Если вам нужно,

подключайте к расследованию новых людей, но выясните, где и как происходит утечка информации. Вы информировали наших союзников о возможной утечке информации?

Давис взглянул на остальных сотрудников ЦРУ, сидевших за столом. Все молчали. Он незаметно вздохнул, нужно докладывать самому.

– Нет, – выдавил он, – наше управление считает подобную акцию нецелесообразной.

– Почему? – не успокаивался Госс.

– Мы не можем сообщить им о наших подозрениях, – объяснил Давис. – В этом случае информаторы почувствуют, что их пытаются вычислить. Возможно, мы поможем союзникам, но упустим информатора в наших рядах. Поэтому было принято решение начать проверку, не информируя наших союзников.

– То есть вы хотите сказать, что мы сознательно подставляем наших союзников в Европе, чтобы вычислить информатора в ЦРУ? – гневно уточнил Госс.

Все молчали. Формально директор был прав. Но на войне не бывает формальных законов. Нужно подставить пешку, чтобы выиграть фигуру. Нужно подставить французскую и германскую разведки, чтобы обнаружить возможного информатора внутри ЦРУ, и уже потом помочь союзникам.

– Да, – ответил Давис, – если мы их информируем о наших подозрениях, то наш запрос может попасть к тому самому человеку, которого мы ищем. Он может передать эту информацию в Москву. А они, в свою очередь, предупредят своего человека. Поэтому мы не имеем права рисковать. Чем меньше людей знает об этой операции, тем лучше.

Госс молчал. Затем неохотно признался:

– Мы подставляем наших союзников. Это очень плохо. Но если вы считаете, что нет другого выхода... Действуйте. В конце концов, мы работаем и на их интересы.

О возможных агентах, которые будут ликвидированы, он даже не вспоминал. Давис кивнул, двигая к себе папку еще ближе.

– Вы считаете, что информаторов двое? – уточнил Госс.

– Мы проверяем всю информацию, – уклонился от прямого ответа Давис, – но пока не смогли найти возможного специалиста, который бы знал такие подробности и у нас, и в Европе. Возможно, что их двое. Но еще более возможно, что их трое или четверо.

Наступило неприятное молчание.

– Вы хотите сказать, что русские начали массовую атаку на нашу агентуру, получив сразу несколько информаторов? – В абсолютной тишине голос директора ЦРУ прозвучал как приговор.

– Да, – кивнул Давис, – совершенно очевидно, что они готовились к подобной операции несколько лет. И потратили на нее очень большие деньги. Вы знаете, какие сейчас цены на нефть. Россия захлебывается в нефтедолларах. Возможно, что они получили дополнительное финансирование. Хотя у наших специалистов до сих пор вызывает сомнение, что подобную операцию начала Служба внешней разведки России. Они должны четко понимать, что мы предпримем ответные меры, убирая наших бывших агентов в России и в странах СНГ. Кроме того, подобный вызов означает конец временному сотрудничеству наших спецслужб и возобновление «холодной войны». Они должны это ясно понимать.

– Нефтедоллары, – услышал знакомое слово директор ЦРУ, – нефтедоллары. Сначала на эти деньги к нам приезжают террористы, которые учатся в наших летных школах, потом захватывают наши самолеты и убивают наших граждан. Потом на эти деньги они вооружают и финансируют своих сторонников по всему миру. А сейчас и русские, используя эти деньги, решили ударить нас в самое незащищенное место.

Молчание длилось несколько секунд. Все ждали решения руководства.

– Восемь человек, – громко повторил уже в который раз директор Госс. – Наша задача быть рядом с ними в тот момент, когда у них за спиной окажутся ликвидаторы. Я даю разре-

шение на проведение активных мероприятий по нейтрализации приехавших в нашу страну профессиональных убийц. Мистер Крейг, вся координация этого проекта возлагается исключительно на вас. Спасибо, господа. Надеюсь, в следующий раз мы увидимся по более приятному поводу.

Крейг увидел, как к нему подошел его напарник.

– Если мы потеряем еще одного агента, то можем не думать о своей пенсии, – прошептал Крейг. – Я даже не представляю, что нам делать. Даже не представляю.

– Боюсь, что еще раньше пенсию потеряют совсем другие люди, – возразил Кинг, показывая в сторону руководства.

Москва. Россия. 19 мая 2006 года

Вечером он набрался смелости и сам позвонил Элине. И с радостью услышал ее приятный голос.

– Я думала, что вы позвоните раньше, – откровенно сказала она.

– Я бы обязательно позвонил, – ответил Караев, – но у меня сегодня были важные встречи.

– Что-то насчет Павла? – Она умела чувствовать.

– И насчет него тоже. Может, мы скоро точно узнаем, что с ним случилось. Надеюсь, что узнаем.

– Наташа вся извелась, – сказала она. – Лучше горькая правда, чем такое подвешенное состояние.

– Да, – согласился он, – я с вами согласен. Когда мы можем увидеться?

– Через полтора часа. Вы еще не забрали свою машину?

– Прямо сейчас еду. – Он вспомнил, что действительно не забрал свой автомобиль. Нужно будет заплатить штраф. Интересно, сколько они с него возьмут?

– Тогда через полтора часа. Я буду ждать вас у дома. До свидания.

Он бросил телефон и поспешил переодеваться. Нужно было доехать до штрафной стоянки и забрать свою машину, оформив ее получение. У него не так много времени. К счастью, он успел все сделать. Уплатить штраф и забрать машину, которая была в ужасном состоянии. Ее нужно было помыть, но он мог опоздать. Здесь ему повезло. Неожиданно хлынувший ливень смыл с автомобиля всю пыль. Он подъехал к дому Элины точно в срок. Она уже ждала его, спрятавшись под козырьком подъезда. На ней был брючный костюм темного цвета.

Он мягко затормозил машину почти рядом с ней, и она быстро пробежала в салон, сделав несколько шагов. Бросила назад свой зонтик, который так и не раскрыла. Улыбнувшись, поздоровалась.

– Прекрасный дождь, – сказала Элина, – я люблю, когда идет дождь. Не знаю почему, но люблю. Наверно, обилие воды меня радует, я слишком много времени провела в Санкт-Петербурге.

– Я тоже вырос у моря, – напомнил Караев, – и здесь мне в первое время часто его не хватало. Потом привык. Привык даже к вечной слякотной погоде и к темным длинным вечерам. Хотя иногда скучал без солнца. И начинал понимать северян, которые приезжают на южные курорты только для того, чтобы насладиться солнцем и морем.

Они вели себя так, словно не было вчерашних поцелуев. Сначала короткого и осторожного. Потом более продолжительного. Он не знал, как вести себя в этой ситуации, просто не представлял. Через несколько минут он остановил автомобиль у знакомого ресторана. Метрдотель его сразу узнал, он иногда позволял себе здесь обедать. И отвел к столику у окна. Раздали меню. Она сказала, что полностью полагается на его вкус. И он сделал заказ, даже не раскрывая меню.

– Вы часто здесь бываете? – спросила Элина, улыбнувшись.

– Иногда бываю, – признался Тимур, – но не так часто. Ужинать одному скучно, лучше сделать заказ и увезти все домой.

– А почему вы до сих пор один? Красивый и обеспеченный мужчина, который давно мог иметь любую подружку. Сейчас с этим проблем нет. Да и никогда, по-моему, не было. Это у женщины в сорок лет заканчивается жизнь, – немного насмешливо сказала она, и стало ясно, что сама Элина так не считает. – Но у вас прекрасный возраст. И вы в хорошей форме.

– Насчет возраста не знаю, – ответил он, – а насчет молодой подружки... Вы, наверно, меня с кем-то путаете. Я не такой обеспеченный человек, как вам кажется. У меня есть мос-

ковская квартира, машина. Но я живу на свою зарплату и пенсию, которую получаю от государства. Вот и все. Я не так богат, чтобы рядом со мной вертелись красотки из модельного агентства. Им нужны совсем другие мужчины, с иным уровнем богатства.

– Про них я не говорю, – возразила Элина, – но даже ваш друг Павел уже в пятидесятилетнем возрасте нашел себе новую жену. Что вам мешало найти себе такую подружку?

– Не знаю. Наверно, не искал. Мне было неплохо одному. Очевидно, профессия наложила свой отпечаток. Я не знаю, – признался он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.